

Лев Толстой

Церковь и государство

Вера есть смысл, даваемый жизни, есть то, что дает силу, направление жизни. Каждый живущий человек находит этот смысл и живет на основании его. Если не нашел, — то он умирает. В искании этом человек пользуется всем тем, что выработало все человечество.

Все это, выработанное человечеством, называется откровением. Откровение есть то, что помогает человеку понять смысл жизни. Вот отношение человека к вере.

Что ж за удивительная вещь? Являются люди, которые из кожи лезут вон для того, чтобы другие люди пользовались непременно этой, а не той формой откровения. Не могут быть покойны, пока другие не примут их, именно их форму откровения, проклинаят, казнят, убивают всех, кого могут, из несогласных. Другие делают то же самое — проклинаят, казнят, убивают всех, кого могут, из несогласных. Третьи — то же самое. И так все друг друга проклинаят, казнят, убивают, требуя, чтобы все верили, как они. И выходит, что их сотни вер, и все проклинаят, казнят, убивают друг друга.

Я сначала был поражен тем, как такая очевидная бессмыслица, такое очевидное противоречие не уничтожит самую веру? Как могли оставаться люди верующие в этом обмане?

И действительно, с общей точки зрения это непостижимо и неотразимо доказывает, что всякая вера есть обман, и что все это суеверия, что и доказывает царствующая теперь философия. Глядя с общей точки зрения, и я неотразимо пришел к признанию того, что все веры — обманы людские, но я не мог не остановиться на соображении о том, что самая глупость обмана, очевидность его и вместе с тем то, что все-таки все человечество поддается ему, что это самое показывает, что в основе этого обмана лежит что-то необманчивое. Иначе все так глупо, что нельзя обманываться. Даже эта общая всему человечеству, истинно живущему, поддача себя под обман заставила меня признать важность того явления, которое служит причиной обмана. И вследствие этого убеждения я стал разбирать учение христианское, служащее основой обману всего христианского человечества.

Так выходит с общей точки зрения; но с личной точки зрения, с той, вследствие которой каждый человек и я, для того чтобы жить, должен иметь веру в смысл жизни и имеет эту веру, — это явление насилия в деле веры еще более поразительно своей бессмыслицей.

В самом деле, как, зачем, кому может быть нужно, чтобы другой не только верил, но и исповедывал бы свою веру так же, как я? Человек живет, стало быть знает смысл жизни. Он установил свое отношение к Богу, он знает истину истин, и я знаю истину истин. Выражение их может быть различно (сущность должна быть одна и та же — мы оба люди). Как, зачем, что может меня заставить требовать от кого бы то ни было, чтобы он выражал свою истину непременно так, как я?

Заставить человека изменить свою веру я не могу ни насилием, ни хитростью, ни обманом (ложные чудеса).

Вера есть его жизнь. Как же я могу отнять у него его веру и дать ему другую? Это все равно, что вынуть из него сердце и вставить ему другое. Я могу сделать это только тогда, когда вера и моя, и его — слова, а не то, чем он живет, — нарост, а не сердце. Этого нельзя сделать и потому, что нельзя обмануть или заставить верить человека в то, во что он не верит, и нельзя потому, что тот, кто верит, — т. е. установил свои отношения с Богом и потому знает, что вера есть отношение человека к Богу, — не может желать установить отношения другого человека с Богом посредством насилия или обмана. Это невозможно, но это делается, делалось везде и всегда; т.е. делаться это не могло, потому что это невозможно, но делалось и делается что-то такое, что очень похоже на это; делалось и делается то, что люди навязывают другим подобие веры, и другие принимают это подобие веры, — подобие веры, т.е. обман веры.

Вера не может себя навязывать и не может быть принимаема ради чего-нибудь: насилия, обмана или выгоды; а потому это не вера, а обман веры. И этот-то обман веры есть старое условие жизни человечества.

В чем же состоит этот обман и на чем он основан? Чем вызван для обманывающих и чем держится для обманутых?

Не буду говорить о браманизме, буддизме, конфуцианстве, магометанстве, в которых были те же явления, не потому, чтобы невозможно было и здесь найти то же. Для каждого, читавшего об этих религиях, будет ясно, что то же совершалось и в тех верах, что и в христианстве; но буду говорить исключительно о христианстве, как о вере нам известной, нам нужной и дорогой. В христианстве весь обман построен на фантастическом понятии церкви, ни на чем не основанном и поражающем с начала изучения христианства своей неожиданной и бесполезной бессмыслицей.

Из всех безбожных понятий и слов нет понятия и слова более безбожного, чем понятие церкви. Нет понятия, породившего больше зла, нет понятия более враждебного учению Христа, как понятие церкви.

В сущности, слово *зкклезия* значит собрание и больше ничего и так употреблено в Евангелиях. В языках всех народов слово *зкклезия* означает дом молитвы. Дальше этих значений, несмотря на 1500-летнее существование обмана церкви, слово это не проникло ни в какой язык. По определениям, которые дают этому слову те жрецы, которым нужен обман церкви, оно выходит не что иное, как предисловие, говорящее: все, что я теперь буду говорить, все истина, и если не поверишь, то я тебя сожгу, или прокляну и всячески обижу. Понятие это есть софизм, нужный для некоторых диалектических целей, и остается достоянием тех, которым оно нужно. В народе, не только в народе, а в обществе и в среде образованных людей, несмотря на то, что этому учат в катехизисах, понятия этого нет совсем.

Определение это (как ни совестно серьезно разбирать его, надо это сделать, потому что столько людей так серьезно выдают его за что-то важное) — определение это совершенно ложно. Когда говорят, что церковь есть собрание истинно верующих, то, собственно, ничего не говорят (не говоря уж о фантастических мертвых), потому что если я скажу, что *капелла* есть собрание всех истинных музыкантов, то я ничего

не сказал, если не сказал, что я называю истинными музыкантами. По богословию же оказывается, что истинно верующие — те, которые следуют учению церкви, т.е. находятся в церкви. Не говоря уже о том, что истинных таких вер сотни, определение ничего не говорит и, казалось бы, даже бесполезно, как определение капеллы собранием истинных музыкантов; но тотчас же за этим виднеется конец ушка. Церковь истинна и едина, и в ней пастыри и паства; и пастыри, Богом установленные, учат этому истинному и единому учению, т.е. *"Ей-Богу, все, что мы будем говорить, все истинная правда"*. Больше ничего нет. Обман весь в этом, в слове и понятии церкви. И смысл этого обмана только тот, что есть люди, которые без памяти хочется учить других своей вере.

Для чего же им так хочется учить своей вере других людей? Если бы у них была истинная вера, они бы знали, что вера есть смысл жизни, отношение с Богом, устанавливаемое каждым человеком, и что потому нельзя учить вере, а только обману веры. Но они хотят учить. Для чего? Самый простой ответ был бы тот, что попу нужны лепешки и яйца, архиерею — дворец, кулебяка и шелковая ряса. Но этот ответ недостаточен.

Таков, без сомнения, внутренний, психологический повод к обману, повод, поддерживающий обман. Но как, разбирая, каким образом мог один человек (палач) решиться убивать другого человека, против которого он не имеет никакой злобы, было бы недостаточно сказать, что палач убивает потому, что ему дают водки, калачи и красную рубаху, точно так же недостаточно сказать, что киевский митрополит с монахами набивает соломой мешки, называя их мощами угодников, только для того, чтобы иметь 30 тысяч дохода. И то, и другое действие слишком ужасно и противно человеческой природе для того, чтобы такое простое, грубое объяснение могло быть достаточно. Как палач, так и митрополит, объясняя свой поступок, приведут целый ряд доказательств, которых главная основа будет историческое предание. "Человека надо казнить. Казнили с тех пор, как свет стоит. Не я, так другой. Я сделаю это, надеюсь, с Божьей помощью, лучше, чем другой". Так же скажет митрополит: "Внешнее богопочитание нужно. С тех пор, как свет стоит, почитали мощи угодников. Пещерные мощи почитают, ходят сюда. Не я, так другой будет хозяйничать над ними. Я, с Божьей помощью, надеюсь богоугоднее употребить эти деньги, вырученные кощунственным обманом".

Чтобы понять обман веры, надо пойти к его началу и источнику. Мы говорим о том, что знаем о христианстве. Обратясь к началу христианского учения, в Евангелиях мы находим учение, прямо исключаящее внешнее богопочитание, осуждающее его и в особенности ясно, положительно отрицающее всякое учительство. Но от времени Христа, приближаясь к нашему времени, мы находим отклонение учения от этих основ, положенных Христом. Отклонение это начинается со времен апостолов, особенно охотника до учительства Павла; и чем дальше распространяется христианство, тем больше и больше оно отклоняется и усваивает себе приемы того самого внешнего богопочитания и учительства, отрицание которого так положительно выражено Христом. Но в первые времена христианства понятие церкви употребляется только как представление о всех тех разделяющих то верование, которое я считаю истинным, — понятие совершенно верное, если оно не включает в себя выражение верований словами, но всей жизнью, так как верование не может быть выражено словами.

Употреблялось еще понятие истинной церкви, как довод против разногласящих, но до царя Константина и Никейского собора церковь есть только понятие, со времени же царя Константина и Никейского собора церковь становится делом, и делом обмана. Начинается тот обман митрополитов с мощами, попов с евхаристиею, Иверских, синодов и т.п., которые так поражают и ужасают нас и не находят достаточного объяснения, по своему безобразию, в одной выгоде этих лиц. Обман этот старый, и он начался не из одних выгод частных лиц. Нет такого человека изверга, который бы решился это делать, если бы он был первый и если бы не было других причин. Причины, приведшие к этому, были недобрые. "По плодам узнаете их". Начало было зло — ненависть, человеческая гордость, вражда против Ария и других; и другое, еще большее зло — соединение христиан с властью. Власть — Константин царь, по языческим понятиям стоящий на высоте величия человеческого (их причитали к богам), принимает христианство, подает пример всему народу, обращает народ и подает руку помощи против еретиков и устанавливает посредством вселенского собора единую правую христианскую веру.

Христианская католическая вера установлена навсегда. Так естественно было поддаться на этот обман, и до сих пор еще так верят в спасительность этого события. А это было то событие, где большинство христиан отреклось от своей веры; это были те ростани, где огромное большинство пошло с христианским именем по языческой дороге и идет до сих пор. Карл Великий, Владимир продолжают то же. И обман церкви идет до сих пор, обман, состоящий в том, что принятие властью христианства нужно для тех, которые понимали букву, а не дух христианства, потому что принятие христианства без отречения от власти есть насмешка над христианством и извращение его.

Освящение власти государственной есть кощунство, есть погибель христианства. Проживя 1500 лет под этим кощунственным союзом мнимого христианства с государством, надо сделать большое усилие, чтобы забыть все сложные софизмы, которыми 1500 лет, везде в угоду власти, изуродовав все учение Христа, чтобы оно могло ужиться с государством, пытались объяснить святость, законность государства и возможность его быть христианским. В сущности же слова "христианское государство" есть то же, что слова: теплый, горячий лед. Или нет государства, или нет христианства.

Для того, чтобы ясно понять это, надо забыть все те фантазии, в которых мы старательно воспитываемся, и прямо спрашивать о значении тех наук исторических и юридических, которым все учат. Основ эти науки не имеют никаких. Все эти науки не что иное, как апология насилия.

Пропустив истории персов, мидян и т.д., возьмем историю того государства, которое первое составило союз с христианством.

Было разбойничье гнездо в Риме; оно разрослось грабительством, насилием, убийством; оно завладело народами. Разбойники и потомки их, с атаманами, которых называли то Кесарем, то Августом, во главе, — грабили и мучили народы для удовлетворения своих похотей. Один из наследников этих разбойничьих атаманов, Константин, начитавшись книг и пресытившись похотной жизнью, предпочел некоторые догматы христианства прежним верованиям. Принесению людских жертв он предпочел обедню, почитанию Аполлона, Венеры и Зевса он

предпочел единого Бога с сыном Христом и велел ввести эту веру между теми, которых он держал под своей властью.

"Цари властвуют над народами, между вами да не будет так. Не убей, не прелюбодействуй, не имей богатств, не суди, не присуждай. Терпи зло". Всего этого никто не сказал ему. "А ты хочешь называться христианином и продолжать быть атаманом разбойников, бить, жечь воевать, блудить, казнить, роскошествовать? Можно".

И они устроили ему христианство. И устроили очень покойно, даже так, что и нельзя было ожидать. Они предвидели, что, прочтя Евангелие, он может хватиться, что там требуется все это, т.е. жизнь христианская, кроме построения храмов и хождения в них. Они предвидели это и внимательно устроили ему такое христианство, что он мог, не стесняясь, жить по-старому, по-язычески. С одной стороны — Христос, сын Бога, затем только и приходил, чтобы его и всех искупить. Оттого, что Христос умер, Константин может жить, как хочет. [Смысл пришествия Христа не может быть в этом!] А этого мало — можно покаяться и проглотить кусочек хлеба с вином, это будет спасенье, и все простится. Мало того, — они еще его власть разбойничью освятили и сказали, что она от Бога, и помазали его маслом. Зато и он им устроил, как они хотели — собрание попов, и велел сказать, какое должно быть отношение каждого человека к Богу, и каждому человеку велел так повторять.

И все стали довольны, и вот 1500 лет эта самая вера живет на свете, и другие разбойничьи атаманы ввели ее, и все они помазаны, и все, все от Бога. Если какой злодей пограбит всех, побьет много народа, его они помажут — он от Бога. У нас мужеубийца, блудница была от Бога, у французов — Наполеон. А попы, зато — не только уж от Бога, но почти сами боги, потому что в них сидит дух святой. И в папе, и в нашем синоде с его командирами-чиновниками.

И как какой помазанник, т.е. атаман разбойников, захочет побить чужой и свой народ, — сейчас ему сделают святой воды, покропят, крест возьмут (тот крест, на котором умер нищий Христос за то, что он отрицал этих самых разбойников) и благословят побить, повесить, голову отрубить.

И все бы хорошо, да не умели и тут согласиться и стали помазанники друг друга называть разбойниками (то, что они и есть), и стали попы друг друга называть обманщиками (то, что они и есть); а народ стал прислушиваться и перестал верить и в помазанников, и в хранителей св. духа, а выучился у них же называть их, как следует и как они сами себя называют, т.е. разбойниками и обманщиками.

Но о разбойниках только пришлось к слову, потому что они развратили обманщиков. Речь же об обманщиках, мнимых христианах. Такими они сделались от соединения с разбойниками. И не могло быть иначе. Они сошли с дороги с той первой минуты, как освятили первого царя и уверили его, что он своим насилием может помочь вере, — вере о смирении, самоотвержении и терпении обид. Вся история настоящей церкви, не фантастической, т.е. истории иерархии под властью царей есть ряд тщетных попыток этой несчастной иерархии сохранить истину учения, проповедуя ее ложью и на деле отступая от нее. Значение иерархии основано только на учении, которому она хочет учить. Учение говорит о смирении, самоотречении, любви, нищете; но учение проповедуется насилием и злом.

Для того, чтобы иерархии было чему учить, чтобы были ученики, нужно не отречься от учения, но для того, чтобы очистить себя и свою незаконную связь с властью, нужно всякими соображениями скрыть сущность учения. А для этого нужно перенести центр тяжести учения не на сущность учения, а на внешнюю сторону его. И это самое делает иерархия.

Так вот: источник того обмана веры, который проповедуется церковью, источник его есть соединение иерархии, под именем церкви, с властью — насилием. Источник же того, что люди хотят научить других людей вере, в том, что истинная вера обличает их самих и им нужно вместо истинной веры подставить свою вымышленную, которая бы их оправдывала.

Истинная вера везде может быть, только не там, где она явно насилующая, — не в государственной вере. Истинная вера может быть во всех так называемых расколах, ересь, но наверное не может быть только там, где она соединилась с государством. Странно сказать, но название "православная, католическая, протестантская" вера, как эти слова установились в обыкновенной речи, значат не что иное, как вера, соединенная с властью, т.е. государственная вера и потому ложная.

Понятие церкви, т.е. единомыслия многих, большинства, и вместе с тем близость к источнику учения в первые два века христианства, был только один из плохих внешних доводов. Павел говорил: "Я знаю от самого Христа". Другой говорил: "Я знаю от Луки". И все говорили: мы думаем верно, и доказательство того, что мы верно думаем, то, что нас большое собрание, зкклезия, церковь. Но только с собора в Никее, устроенного царем, начался — для части исповедующих одно и то же учение — прямой и осязательный обман. "Изволися нам и св. духу", — стали говорить тогда. Понятие церкви стало уже не только плохой аргумент, а стало для некоторых власть. Оно соединилось с властью и стало действовать, как власть. И все то, что соединилось с властью и подпало ей, перестало быть верой, а стало обманом.

Чему учит христианство, понимая его как учение какой бы то ни было церкви или всех церквей?

Как хотите разбирайте, смешивая или подразделяя, но тотчас же все учение христианское распадется на два резкие отдела: учение о догматах, начиная с божественности сына, духа, отношения этих лиц, до евхаристии с вином или без вина, пресного или кислого хлеба, — в на нравственное учение смирения, нестяжательности, чистота телесной, семейной, неосуждения и освобождения от неволи уз, миролюбия. Как ни старались учителя церкви смешать эти две стороны учения, они никогда не смешивались, и как масло от воды, всегда были врозь — каплями большими и малыми.

Различие этих двух сторон учения ясно для каждого, и каждый может проследить плоды той и другой стороны учения в жизни народов, и по этим плодам может заключить о том, какая сторона более важна и, если можно сказать, более истинна, то какая более истинна? Посмотришь на историю христианства с этой стороны — и ужас нападет на тебя. Без исключения с самого начала и до самого конца, до нас, куда ни посмотришь, на какой ни взглянешь догмат, хоть с самого начала — догмат божественности Христа — и до сложения перстов, до причастия с вином или без вина, — плоды всех этих умственных трудов на разъяснение догматов: злоба, ненависть, казни, изгнания, побоища жен и детей, костры, пытки. Посмотришь на

другую сторону — нравственного учения, от удаления в пустыню для общения с Богом до обычая подавать калачи в острог, и плоды этого — все наши понятия добра, все то радостное, утешительное, служащее нам светочем в истории.

Заблуждаться тем, перед глазами которых не выразились ясно еще плоды того и другого, можно было, и нельзя было не заблуждаться. Можно было заблуждаться и тем, которые искренно вовлечены были в эти споры о догматах, не заметив того, что они этими догматами служат дьяволу, а не Богу, не заметив того, что Христос прямо говорил, что он пришел разрушить все догматы; можно было заблуждаться и тем, которые, унаследовав предания важности этих догматов, получили такое превратное воспитание умственное, что не могут видеть своей ошибки; можно и тем темным людям, для которых догматы эти не представляют ничего, кроме слов или фантастических представлений, но нам, для которых открыт первый смысл Евангелия, отрицающего всякие догматы, нам, имеющим перед глазами плоды в истории этих догматов, нам нельзя уж ошибаться. История для нас — проверка истинности учения, проверка даже механическая.

Догмат непорочного зачатия богородицы — нужен он или нет? Что от него произошло? Злоба, ругательства, насмешки. А польза была? Никакой. Учение о том, что не надо казнить блудницу, нужно или нет? Что от него произошло? Тысячи и тысячи раз люди были смягчены этим напоминанием.

Другое: в догматах каких бы то ни было все согласны? — Нет. — В том, чтобы просящему дать? — Все.

И вот первое — догматы, в чем никто не согласен, что никому не нужно, что губит людей, это-то иерархия выдавала и выдает за веру; а второе, то, в чем все согласны, что всем нужно и что спасает людей, этого, хотя и не смела отрицать иерархия, но не смела и выставить, как учение, ибо это учение отрицало ее самое.